

«ПРАВО НА ВОЙНУ» В ПРОИЗВЕДЕНИИ И. КАНТА «К ВЕЧНОМУ МИРУ»

Статья представляет собой исследование трактата И. Канта «К вечному миру» в контексте *jus ad bellum*. В статье рассмотрены важнейшие положения произведения «К вечному миру» И. Канта и осуществлена попытка выявления их проблематики. Также в статье произведена попытка рассмотрения взаимосвязи теоретической и практической философии И. Канта и ее проявление в исследуемой работе И. Канта. В свете произведения И. Канта «К вечному миру» выявлены практические предпосылки необходимости в «праве на войну»

Ключевые слова: *jus ad bellum*, свобода, война, мир

Генезис международно-правовых воззрений И. Канта является результатом последовательной экстраполяции ядра его философской системы. Целью философии Канта является ответ на вопрос: кем человек может стать? Или, выражаясь словами самого Канта: «Что я могу знать? Что я должен делать? На что я могу надеяться?» Или: «Если существует наука, действительно нужная человеку, то это та, которой я учу, — а именно подобающим образом занять указанное человеку место в мире — и из которой можно научиться тому, каким надо быть, чтобы быть человеком» [1, т. 2, с. 206]. Вопрос о том, кем человек может стать, неразрывно связан с вопросом, что он должен делать. Исходя из кантовской философии, чистый разум может дать лишь ответ на вопрос «Что можно знать?». Прерогативой практического разума является ответ на вопрос, что «должно делать». Однако результаты чистого разума выступают в виде априорных моральных принципов, являющихся проводниками в деле практической деятельности разума, моральных суждений. В.Нерсесянц отмечает, что учение о морали и праве Канта, являясь сферой практического разума, следовательно, сферой должного, играет роль своеобразной соционормативистики, учения о должном и недолжном в социальных отношениях [2, с. 487].

Непосредственно, первым этическим постулатом кантовской философии является свобода человека. Руководствуясь максимами чистого разума, личность в своей практической деятельности обладает возможностью самостоятельно устанавливать правила морального поведения, будучи морально независимой и автономной. Стоит отметить, что Ю. Стрелец в своем исследовании делает вывод, что человек не

просто имеет возможность, но он «в своем бытии, развитии и самосовершенствовании должен полагаться на самого себя» [7, с. 31]. В обратном случае, «любая попытка внешне воздействовать на человека, куда-то направить его с помощью кнута или пряника — обречена на провал» [7, с. 31]. Акцент на должностовании не противоречит кантовской позиции, но в, то же время, не дает забыть нам о нашем общечеловеческом предназначении.

Двойственность человеческого состояния заключается в том, что он является как эмпирическим явлением, так и трансцендентальной сущностью. Будучи эмпирическим явлением или феноменом, человек находится в кругу всеобщей причинности, и его поведение можно предсказать, как и любое другое эмпирическое явление.

Однако, являясь также и трансцендентальной сущностью или ноуменом, человек обладает свободой, автономностью по отношению к феноменальной действительности. Моральные поступки, продиктованные свободной волей человека, независимые от внешней необходимости исполняются человеком добровольно. Свободный моральный поступок, по Канту, детерминирован личным, и в то же время, всеобщим законодательством. Квинтэссенция данной мысли содержится в кантовском категорическом императиве: «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» [1, т. 4, с. 260].

Цели реализации свободы человека слугит и право. В кантовской формулировке право звучит как «совокупность условий, при которых произвол одного лица совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы» [1, т. 4, с. 140]. Таким образом,

право у Канта, в первую очередь, регулирует произвол индивидов в отношении друг друга, возводит его в регулируемые рамки. Ибо цель свободы абсолютна и безусловна, а произвол возникает ввиду того, что «люди не могут расстаться до бесконечности и поэтому должны терпеть соседство других» [1, т. 6, с. 276]. Требования права, исходя из такого определения, основываются на требованиях разума. Однако для права характерна договорная черта. Имея в своем основании общественный договор, право соблюдается добровольно, опираясь на свободную волю индивида.

Осуществлением подобных воззрений является и право на войну или *jus ad bellum* И. Канта.

Источником изучения философии Канта, в русле практики международного права, является трактат «К вечному миру», изданный в 1795 году. Предшественником И. Канта, отчасти повлиявшим на него [3, с. 54], является аббат Сент-Пьерр, автор трактата 1713 года «Проект вечного мира в Европе». Так же как и И. Кант, Сент-Пьерр ставил перед собой цель создания и реализации проекта вечного мира, создания постоянного Европейского альянса, каждое из государств-участников которого будет делать финансовые взносы в Конгресс. Конгресс будет включать, наряду с президентом, законодательную власть – «принудительную силу», имеющую целью следование законам Федерации, а также противодействие выходу любых государств из состава Союза [4, с. 69–71]. Редактированием работ аббата занимался Ж.Ж. Руссо, в 1754 году договорившийся с семьей Сент-Пьерр на издание труда аббата [3, с. 53].

Изначальным положением Сент-Пьерра был трезвый взгляд на человеческую природу. Он предполагал, что человеческие существа «несправедливы, ставят свои интересы выше общих, и если проект останется не реализованным, то не потому, что он утопичен, а потому, что люди безумны, и быть нормальным в мире безумцев – само по себе есть своего рода безумство» [4, с. 87]. Однако, заключил Руссо, что Сент-Пьерр недооценивал безумный характер этого мира [3, с. 54]. Руссо считал, что для того, чтобы схема работала: «важно, чтобы частные интересы, взятые вместе, уступали общему интересу, и каждый был бы убежден увидеть в общем благе высшее благо для себя. Но для этого

необходимо совпадение мудрости стольких умов, случайное совпадение стольких интересов, что шанс осуществления этого проекта вряд ли можно когда-либо ожидать. Но при отсутствии такого спонтанного согласия, остается только сила; и тогда уже встает вопрос не о том, чтобы убедить, но чтобы заставить, не писать книги, а поднимать армии» [4, с. 93].

Структура кантовского произведения сходна по структуре с трактатом Сент-Пьерра и имеет ту же цель: установление вечного мира. Первый постулат Канта: «Ни один мирный договор не должен считаться таковым, если при его заключении была сохранена скрытая возможность новой войны» [1, т. 6, с. 260] – касается гносеологической проблемы проекта вечного мира. Будучи первым, этот постулат является и самым сложным для исполнения. Поскольку «мирный договор уничтожает все имеющиеся причины будущей войны, даже те, которые, быть может, в данный момент не известны самим мирящимся сторонам и которые впоследствии могут быть хитро и изворотливо выисканы в архивных документах» [1, т. 6, с. 260], то такая формулировка имеет негативный характер относительно права *jus ad bellum*.

С точки зрения проекта вечного мира первая прелиминарная (предварительная) статья Канта выглядит обоснованно. Ставя целью полное искоренение существующих, каких-либо, известных или неизвестных, причин войны, она, однако, не говорит о способе их устранения. И здесь возникают вопросы. Первый из них, как устранить известные и еще не известные причины войны. Первый предполагаемый вариант состоит в полном запрете на использование причины войны в качестве предлога для начала боевых действий. Таким образом, отпадет необходимость в разрешении многочисленных международных коллизий. Однако такой путь неизбежно ведет к краху всего проекта в самом его начале. Очевидно, что запрет на поиск и использование причины войны в качестве предлога для начала боевых действий является борьбой с симптомами, оставляя саму причину нетронутой.

Второй вариант предполагает решение возникающих разногласий с целью нейтрализации их причины. В таком случае неизбежно возникает вопрос об уместной методологии разрешения споров. Что точно можно сказать, так

это то, что Кант предполагал договорную основу подобных решений. Предположим, что, несмотря на все многообразие и сложность подобных прений, соответствующая методология была выработана. Тогда будет уместным разобраться в самой природе возникающих разногласий. Гносеологическая проблематика вопроса состоит в том, все ли прения достойны решения? Следует упомянуть, что само понимание причины войны претерпевало значительные изменения на протяжении истории. Одной из первых концепций была концепция справедливой войны. Дж. МакМаан указывает, что понимание подобной концепции сложилось под влиянием средневековых авторов [3, с. 494]. Согласно данной теории, для начала войны необходимо существование справедливой причины. Однако, по утверждениям МакМаана, отход от концепции справедливой войны в рамках уменьшения роли *jus ad bellum* начался довольно рано [3, с. 495]. Уже Гуго Гроций признавал снижение его роли в международном праве. Гроций считал, что мирные договоры не стремятся залеймить побежденную сторону как преступную или потребовать от побежденного компенсации расходов, понесенных победителем в течение войны [5, с. 118]. Отсюда следует сделать вывод, что к концу 18 века сложилась концепция войны как, выражаясь словами К. фон Клаузевица, способа ведения политики другими средствами. Несомненно, такая ситуация была известна И. Канту. В приложении к трактату «О разногласиях между моралью и политикой относительно вечного мира» Кант и стремится решить эту проблему. В противовес пониманию справедливости как ограничивающего начала права начать войну И. Кант утверждает: «Мораль уже сама по себе есть практика в объективном смысле как совокупность, безусловно, повелевающих законов, в соответствии с которыми мы должны вести себя... не может быть, следовательно, спора между политикой как практическим учением о праве и моралью как теоретическим учением о нем...» [1, т. 6, с. 265] Решив вопрос о соотносимости морали и политики, Кант пишет: «Божество морали не уступает Юпитеру (божеству силы), последний находится еще во власти судьбы, то есть разум недостаточно просвещен для того, чтобы осмыслить предопределяющие причины, позволяющие в соответствии с законами природы досто-

верно предсказать счастливый или дурной результат поведения людей. Но разум указывает нам, что следует делать, чтобы остаться на стезе долга, для этого, а тем самым и для конечной цели он светит нам повсюду достаточно ярко» [1, т. 6, с. 265]. Отсюда видно, что, по Канту, общим основанием политики и морали является способность следовать долгу, а точнее, категорическому императиву, на котором основывается возможность осуществления человеческой свободы. Подтверждением данной мысли является доказательство от противного Кантом: «Конечно, если нет свободы и основанного на ней нравственного закона и все, что происходит или может происходить, есть исключительно механизм природы, то политика воплощает в себе всю практическую мудрость, а понятие права есть бессодержательная мысль» [1, т. 6, с. 288]. Таким образом, возможность искоренения всех возможных причин войны, справедливых и несправедливых основывается на свободной воле индивида, руководствующейся практическим разумом, единственно способным вести человека по пути следования категорическому императиву, который и является основой реализации человеческой свободы.

Вторая прелиминарная статья И. Канта звучит так: «Ни одно самостоятельное государство (большое или малое, это безразлично) ни путем наследования или обмена, ни в результате купли или дара не должно быть приобретено другим государством» [1, т. 6, с. 262]. Корни этой статьи уходят во взгляд Канта относительно природы государства. Как он далее пишет: «Государство — это общество людей, повелевать и распоряжаться которыми не может никто, кроме него самого» [1, т. 6, с. 262]. Несомненно, И. Кант, и это подтверждают многие авторы [2, с. 490, 6, с. 419], в такой трактовке исходит из концепции общественного договора. Главную опасность для подобного договора И. Кант видит в родственных союзах, что подразумевает полноту власти, выражаясь терминами Гоббса, равенство суверена и государства. Следствием из такого вывода может стать то, что государство — собственность суверена, неограниченного ничем в своих поступках. Подобное понимание природы государства противоречит цели всей философии Канта — осуществлению свободы человека. Само существование суверена, однако, не отрицается Кантом, в контексте философии И. Канта суверен ограничен общественным дого-

вором, без которого, по словам Канта: «нельзя мыслить никакое право на управление народом» [1, т. 6, с. 263]. В контексте *Jus ad bellum* взаимоотношения государств ограничиваются единственным основанием – неприкосновенностью свободы человеческой личности.

Третья прелиминарная статья «Постоянные армии со временем должны полностью исчезнуть» [1, т. 6, с. 263], как поясняет Кант, должна ликвидировать одну из причин войны, а с точки зрения проекта вечного мира, уничтожить условие, мешающее его становлению. Кант поясняет это так: «Поскольку связанные с миром расходы становятся в конце концов тяжелее короткой войны, то сами постоянные армии становятся причиной военного нападения с целью избавиться от этого бремени» [1, т. 6, с. 263]. Далее Кант добавляет: «К тому же нанимать людей для того, чтобы они убивали или были убиты, означает пользоваться ими как простыми машинами или орудиями в руках другого государства, а это несовместимо с правами человека, присущими каждому из нас» [1, т. 6, с. 263]. Однако возможное противоречие состоит в том, что набор постоянных армий производится на добровольной основе, в то время как форма армии, базирующаяся на ополчении граждан является призывной. Свое положение Кант объясняет следующей фразой: «Вот как ответил один болгарский князь греческому императору, который добродушно хотел решить их распрю не пролитием крови их подданных, а поединком: «Кузнец, у которого есть клещи, не станет вытаскивать раскаленное железо из углей руками» [1, т. 6, с. 298]. Если с призывной армией, соответствующей сути общественного договора противоречий нет, то с постоянной наемной армией, являющейся инструментом в руках суверена, возникает один вопрос. Дж. МакМанан, в частности, сравнивает комбатантов с профессионалами, такими как полицейские или пожарные, добровольно идущие на риск, связанный с их профессией» [3, с. 500]. В данном понимании ключевым моментом является понятие ремесла, добровольно выбранного личностью. Будучи выбранным добровольно, оно накладывает на индивида и определенные ограничения. И так же как разум, по словам Канта, требует от нас заключения общественного договора и вступления в общественное состоя-

ние, имеющего свойством частичные ограничения в пользу своего существования, так и единственный разум может требовать от нас признания ограничений связанных со стремлением армии к максимальной организации, связанной с самой природой боевых действий. В таком случае, единственным решением, выводящем из ситуации, приводящей к войне, связанной с добровольным выбором *fata militum*, является практический разум, постулирующий единственно возможный категорический императив.

Четвертая прелиминарная статья: «Государственные долги не должны использоваться во внешнеполитической борьбе» [1, т. 6, с. 264]. Из пояснения Канта [1, т. 6, с. 264] видно, что ограничение носит количественный характер. В данной статье И. Кант вводит количественное ограничение силы денег, которая, по его словам, является одной из трех сил, имеющих место в международных отношениях. Таким образом, четвертой статьей Кант закрывает цикл *leges latae* – субъективно расширенных законов, чье немедленное исполнение может нанести вред. Кант делает важное пояснение: «Другие же, субъективно расширенные, – не как исключения, конечно, из правовой нормы, но силой обстоятельств в отношении ее выполнения – содержат в себе возможность отсрочить исполнение... Ведь запрещение относится ко способу приобретения, который впредь не должен иметь силы, но не к состоянию владения...» [1, т. 6, с. 265]. Из слов Канта возможно сделать вывод, что единственной силой обстоятельств, мешающей перевести *leges latae* в категорию *leges strictae*, является само отсутствие окончательно сформировавшегося несилового, правового способа международных взаимоотношений. Ибо, отсюда следует, отсутствие какого-либо способа взаимоотношений влечет за собой больший вред.

Пятая статья: «Ни одно государство не должно насильственно вмешиваться в вопросы правления и государственного устройства других государств» [1, т. 6, с. 264] проводит линию демаркации между внутренними и внешними отношениями государства. Таким образом, относительно права начать войну можно сделать вывод, что никакие внутренние факторы (особенности, отличия устройства, внутренние неурядицы) никоим образом не коррелируют с международными отношениями.

Что касается шестой прелиминарной статьи, то в первую очередь она относится к области права на войне (*jus in bello*). Но именно в ней Кант различает природу войны. В первую очередь, стоит отметить, что сама возможность правового основания войны Кантом не исключается. Кант пишет: «Война есть печальное, вынужденное средство в первобытном состоянии (где не существует никакой судебной инстанции, приговор которой имел бы силу закона) утвердить права силой» [1, т. 6, с. 265]. В позитивном аспекте взгляд Канта означает, что причиной войны является первобытное состояние войны всех против всех. И как далее Кант поясняет: «ни одна из сторон не может быть объявлена неправой, так как это предполагает уже судебное решение, и лишь исход войны решает, на чьей стороне право» [1, т. 6, с. 265]. В такой трактовке ясно, что решение, основанное на справедливости может быть законным, но в случае с моралью Кант не дает последней решать вопросы справедливости. Однако в комментарии к необходимости положений *jus in bello* Кант пишет: «Ведь и во время войны должно оставаться хоть какое-нибудь доверие к образу мыслей врага, потому что иначе нельзя было бы заключить никакого мира и враждебные действия превратились бы в истребительную войну (*bellum internecinum*)» [1, т. 6, с. 266].

Отсюда следуют, по крайней мере, два вывода. Первый из них состоит в том, что Кант не запрещает санкционирование морального измерения *in bello*, приводя примеры несправедливых действий. Второй вывод показывает взаимосвязь обеих ветвей права. Без морального измерения и следования моральным нормам *in bello* невозможно установление самого мира, что позволяет вывести положение о том, что вопросы мира и войны, уже в такой формулировке, регулируются без судебного постановления. Данное противоречие проявляется также в туманности формулировок, если можно так выразиться, видов войны. Истребительная война (предполагающая невозможность заключения мира, и таким образом, отсутствие каких-либо нормативов в вопросах права начала войны и заключения мира), избежать которой позволяет надлежащее соблюдение норм *in bello*, отличается от теоретического примера карательной войны (когда одно государство имело бы законную причину начать войну против дру-

гого, невозможна на практике). Однако, что же представляет собой существующий промежуточный вариант? Если истребительная война носит вероятностный характер, и карательная война носит вероятностный характер, хотя в кантовской теории и стремящийся к нулю, но при этом даже в комментарии Канта они имеют одно основание, то каков позитивный вариант войны? Формулировки Канта относительно позитивного содержания войны в лучшем случае остаются туманными.

Следующий за прелиминарными статьями корпус из трех дефинитивных статей отображает ситуацию, которую должно быть в целях осуществления проекта вечного мира. Подготовленная прелиминарными статьями почва международных отношений позволяет создать Канту проект международного устройства, не допускающего возникновения войны.

Без сомнения, ключевое положение Канта звучит так: «Состояние мира между людьми, живущими по соседству, не есть естественное состояние (*status naturalis*); последнее, наоборот, есть состояние войны, то есть, если и не непрерывные враждебные действия, то постоянная их угроза» [1, т. 6, с. 269]. Именно это положение объясняет необходимость серии дефинитивных статей, ввиду которых сама причина войны, а именно, естественное состояние войны всех против всех, нейтрализуется правовым порядком. Кант пишет: «Ведь прекращение военных действий не есть еще гарантия от них, и если соседи не дают таковой друг другу (что может произойти лишь в законном состоянии), то тот из них, кто приглашал к этому другого, может обойтись с этим последним как с врагом» [1, т. 6, с. 270].

Дефинитивные статьи трактата называются – «Гражданское устройство каждого государства должно быть республиканским», «Международное право должно быть основано на федерализме свободных государств», «Право всемирного гражданства должно быть ограничено условиями всеобщего гостеприимства» [1, т. 6, с. 270–287]. Важно заметить, что все три статьи основаны на идее договора между людьми и народами. Это объясняет и сам Кант. Относительно принципа гостеприимства Кант ведет речь именно о правовом, договорном характере статьи. Сам понятие договора основывается на ответственности участвующих сторон друг перед другом. «Если верховный

глава не член государства – как пишет Кант – а собственник его, война ничего не изменит к худшему в его пирах, охотах, увеселительных замках, придворных празднествах и т. п., и он может, следовательно, решиться на нее как на увеселительную прогулку по самым незначительным причинам, равнодушно предоставив всегда готовому к этому дипломатическому корпусу подыскать приличия ради какое-нибудь оправдание» [1, т. 6, с. 274]. И здесь необходимо вспомнить о призыве И. Канта относиться к человеку не как к средству, но как к цели, вспомнить категорический императив И. Канта, увидев тем самым, переход от теоретической философии Канта к практической. К такому же выводу приходит и Н. Мотрошилова в работе «Концепция «вечного мира» и союза государств И. Канта: актуальное значение». В своих выводах Н. Мотрошилова пишет: «Такое свободное и принципиально важное движение мысли Канта между абстрактно-философским уровнем, уровнем должного, а значит никогда в полной мере не реализуемого, и уровнем реализуемого, конкретного (в том числе в политической, правовой областях) позволительно считать специфической особенностью сочинения Канта «К вечному миру, как, видимо, и ряда других его произведений» [6, с. 423]. Мы считаем, что будет полезным и обратный вывод: конкретные

области (будь то политика, право, война, искусство и т. д.) имеют своей целью обязательное движение к уровню должного, в рамках философии И. Канта, обоснованного самой природой и целью человеческого разума.

На наш взгляд, проект вечного мира Канта не выглядит утопическим идеалом. Наоборот, он вполне осуществим, более того, он является единственным способом человечества выжить, ибо, в обратном случае, отказавшись пользоваться своим собственным разумом, человечество пожнет последствия, отстоящие от разума на соответствующую дистанцию. Что касается существующего положения вещей, то стоит отметить, что современные отношения между народами стали разумнее, пусть и не настолько, насколько хотел сам Кант, однако достаточная часть из положений трактата, таких как формирование постоянных армий, международные отношения, основанные на принципах суверенитета всех народов планеты, принцип невмешательства во внутренние дела другого народа, остаются неисполненными, либо имеют силу скорее на бумаге, нежели в реальности. В такой ситуации не недостаток правосудия, а нежелание человечества слушать свой разум, осуществлять свою свободу, следовать моральному долгу является причиной, по которой существует необходимость в «праве на войну».

2.12.2013

Список литературы:

1. Кант, И. Сочинения в 6 томах / И. Кант. – М. – 1963–1966. – 544 с.
2. Нерсесянц, В. Философия права / В. Нерсесянц. – М. – 1997. – 256 с.
3. Besson, S. The philosophy of international law / S. Besson, J. Tasioulas. – Oxford. – 2010. – 611 p.
4. Hoffman S., Fidler, D. (eds.), Rousseau on International Relations. – Oxford. – 1991. – 296 p.
5. Grotius H. De Jure Belli Ac Pacis Libris Tres, Kelsey, F. W. (trans.). – Oxford. – 1925. – repr. by William S. Hein & Co. – NY. – 1995. – 204 p.
6. Степин В. Иммануил Кант. Наследие и проект / В. Степин, Н. Мотрошилова. – М. – 2007. – 623 с.
7. Стрелец, Ю. Смысл жизни человека в философско-антропологическом измерении / Ю. Стрелец. – Оренбург. – 2003. – 132 с.

Сведения об авторах:

Лобанов Евгений Викторович, аспирант кафедры философии
Оренбургского государственного университета

e-mail: fivanec@bk.ru